

Сущность компромиссного (согласительного) способа разрешения уголовно-правового конфликта состоит в том, что стороны идут на допускаемые законом обоюдные уступки, которые влекут упрощение уголовно-процессуальной деятельности и (или) существенное смягчение наказания [3, л. 15–17]. Например, согласие сторон на проведение судебного следствия в сокращенном порядке ограничивает их право на обжалование (опротестование) приговора по мотивам неполноты исследования доказательств (ч. 1 ст. 326 УПК).

Между тем в заочном производстве несмотря на его компромиссный характер какие-либо ограничения на обжалование приговора, постановленного без судебного разбирательства, отсутствуют. Более того, на такой приговор могут подать свои возражения не только лица, которые дали согласие на заочное производство (обвиняемый, потерпевший, прокурор, направивший дело в суд), но и те участники процесса, чье мнение по данному вопросу вовсе не выяснялось и не учитывалось (гражданский истец, гражданский ответчик и их представители). Вряд ли такая конструкция является безупречной.

Процедура отмены приговора без его проверки на основании немотивированных возражений участников процесса также не заслуживает поддержки. В приказном производстве такие последствия вызывают только обоснованные возражения должника. Полагаем, что в заочном производстве возможность подачи возражений на приговор без указания мотивов несогласия с последним может способствовать злоупотреблению своим процессуальным правом со стороны обвиняемого и других участников процесса. В результате приговор отменяется, уголовное дело передается сначала председателю суда или его заместителю, а затем другому судье для назначения судебного разбирательства. Таким образом, производство по делу не упрощается, а, напротив, затягивается. К сожалению, на практике описанная ситуация уже имеет место по делам, расследованным в порядке ускоренного производства.

В соответствии с общими правилами пересмотра судебных постановлений по уголовным делам отмена приговора может осуществляться лишь после его проверки. Поводом для нее является обращение соответствующих участников уголовного процесса, где излагаются мотивы несогласия с приговором. Такое требование предусмотрено в п. 4 ч. 1 ст. 372 УПК применительно к апелляционным жалобам или протестам, которые должны содержать доводы лица, их подавшего, с указанием на то, в чем заключается неправильность приговора и в чем состоит его просьба. Но сам факт наличия жалобы или протеста не является основанием для безусловной отмены приговора. Это решение принимается лишь в случае установления в результате проверки приговора его неза-

конности, необоснованности либо несправедливости. Думается, что эти положения должны соблюдаться и при обжаловании приговора, постановленного без проведения судебного разбирательства.

По нашему мнению, осуществлять проверку такого приговора должен не судья, который его постановил, а иное вышестоящее должностное лицо. Возможно, им должен выступать председатель суда или его заместитель. Указанное должностное лицо, рассмотрев обоснованные возражения на приговор, постановленный в заочном производстве, вправе не только отменить, но и изменить приговор. Отмена приговора возможна лишь в случае, если в возражениях обвиняемого указано о непризнании им своей вины (полностью или в части) либо предъявленного гражданского иска. Если же возражения участников уголовного процесса касаются назначенного судом наказания, то приговор, постановленный в результате заочного производства, может быть изменен в соответствии с требованиями ст. 387 УПК.

Полагаем, что реализация этих предложений в действующем законодательстве будет способствовать совершенствованию нового упрощенного порядка судопроизводства, устранению имеющихся в нем противоречий, достижению его целей и повышению эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

1. Масленков С.Л. Обстоятельства, обуславливающие дифференциацию современного уголовного судопроизводства // Следователь. 2004. № 10.
2. Зайцева Л.Л., Жигулич В.С. Сокращенное судебное следствие в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск, 2013.
3. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

УДК 343.1

М.Э. Каац

ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозгласила права и свободы человека высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека являются обязанностью государства. Одной из гарантий государственной защиты конституционных прав на жизнь,

свободу и личную неприкосновенность выступает обеспечение безопасности граждан, попавших в сферу уголовно-процессуальной деятельности: субъектов уголовного судопроизводства со стороны обвинения, участников со стороны защиты, а также иных лиц, интересы которых затрагиваются уголовным преследованием.

Проблема обеспечения безопасности участников уголовного процесса имеет свои глубокие исторические корни. Так, правоохранительной практике 20-х гг. известны случаи, когда чекиста – участника оперативной комбинации, который вызывал особую ненависть у врагов, укрывали под чужим именем, определяли на новое место жительства. Изредка так же поступали и по отношению к раскаявшемуся обвиняемому. В 70–80-х гг. в практической деятельности возникали ситуации, при которых важного свидетеля временно помещали в безопасное место, а при перемещении его сопровождали сотрудники милиции.

Необходимость обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства на нормативном уровне впервые была закреплена еще во времена существования Советского государства Законом СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Законодательные предписания устанавливали обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры к обеспечению безопасности участников процесса и иных лиц, заключающиеся в охране их жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями (ст. 27.1). Этот же закон вводил в действие ст. 35.1, предусматривающую возможность прослушивания телефонных и иных переговоров потерпевшего и свидетеля при наличии угрозы совершения в отношении их насилия, вымогательства и других противоправных действий, а также устанавливал видоизмененную редакцию части второй ст. 12, допускающую возможность проведения закрытого судебного разбирательства в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или других участвующих в деле лиц, а также членов их семей или близких родственников. Данные нормы должны были действовать одновременно с положениями УПК РСФСР. Однако в них содержались, по сути своей, декларативные предписания, которые так и не были развиты и усовершенствованы в рамках российского уголовно-процессуального законодательства. По мнению

А.А. Юнусова, они «практически означали лишь общую концепцию возможных в будущем мер».

В свою очередь, в п. 24 части первой ст. 10 Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. «О милиции» устанавливалась обязанность сотрудников органов внутренних дел принимать меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности. Федеральным законом от 31 марта 1999 г. № 68-ФЗ в данную норму были внесены изменения в связи с принятием Федерального закона от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Поэтому обязанность применения мер безопасности возлагалась применительно к данным субъектам правоохранительной сферы, а также другим участникам уголовного судопроизводства (присяжным заседателям, потерпевшим, свидетелям и т. д.). В Концепции судебной реформы 1991 г. была также предусмотрена необходимость определения эффективных мер защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и смены документов.

Пройдя долгий путь своего зарождения, система обеспечения безопасности лиц, содействующих расследованию, раскрытию преступлений и осуществлению правосудия по уголовным делам, в настоящее время в Российской Федерации находится в фазе своего интенсивного развития и модернизации.

Так, с введением в действие в 2002 г. УПК Российской Федерации в законодательстве появились меры уголовно- процессуального характера, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК и др.). С этого момента, по справедливому замечанию бывшего начальника управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД России А.В. Лебедева, следует говорить о создании в России специального института государственной защиты.

Отдельные ученые также связывают начало решения проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, с принятием УПК Российской Федерации. Как отмечает в этой связи А.Ю. Епихин, установление мер безопасности в новом УПК Российской Федерации следует рассматривать как отражение позитивного стремления законодателя к рассмотрению средств воздействия на преступность.

В настоящее время в российской правовой системе базовыми специализированными законами, регламентирующими основы обеспечения безопасности субъектов уголовно-процессуальной деятельности, являются: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О госу-

дарственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

До принятия второго закона в российской юридической литературе высказывалось суждение о необходимости существования единого нормативного акта, направленного на обеспечение безопасности личности, который рекомендовалось озаглавить «Об обеспечении безопасности лиц по уголовным делам», а также включить в него как составную часть системы и институт уголовно-процессуальных мер безопасности.

Также предлагалось создание единого государственного органа (координационного центра), единственной задачей которого было бы обеспечение безопасности защищаемых лиц. Российский ученый, занимающийся исследованием проблем обеспечения субъектов уголовного судопроизводства, О.А. Зайцев рекомендовал именовать это подразделение Департаментом государственной защиты некоторых категорий граждан и должностных лиц. Подобные структуры имеются в США (Служба маршалов Министерства юстиции), Италии, Германии (специальные подразделения полиции по защите свидетелей, входящие в структуру уголовной полиции), ряде других государств.

О необходимости создания данного централизованного органа в Российской Федерации ведутся активные дискуссии. Что же касается интегрированного нормативного правового акта, то это предложение не нашло своего воплощения. В настоящий момент на основе Федерального закона № 45-ФЗ и Федерального закона № 119-ФЗ в Российской Федерации принят целевой пакет подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих те или иные аспекты обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (например, Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630; Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного производства, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июня 2013 г. № 586; Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586, и т. д.). Правовые средства защиты личности, предусмотренные в данных документах, носят универсальный характер, что позволяет их использовать как в любой стадии уголовно-процессуальной

деятельности, в любой момент производства по тому или иному уголовному делу, так и до начала возникновения уголовно-процессуальных правоотношений, а также после их окончания.

В соответствии с приказом МВД Российской Федерации от 2 августа 2013 г. № 591 «О внесении изменений в приказ МВД Российской Федерации от 29 августа 2012 г. «О профилизации образовательных учреждений МВД России» Уфимский юридический институт МВД России наделен функцией учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Подготовка специалистов подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите». Профильным подразделением МВД для института является управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД Российской Федерации, образованное в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Таким образом, в Российской Федерации созданы крепкие основы государственно-правовой системы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

УДК 343.12

Ю.С. Климович

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Выделив Следственный комитет Республики Беларусь в качестве независимого органа предварительного следствия, законодатель, с одной стороны, предпринял еще одну попытку путем организационной реформы усилить следственную функцию в качестве самостоятельного направления уголовно-процессуальной деятельности. При этом внутри своего ведомства следователи, как и прежде, остались встроенными в иерархичную систему с наличием начальников следственных подразделений. В то же время законодатель сохранил за органами дознания, за счет кадрового состава которых и создавался основной орган предварительного следствия, обязанность принимать юрисдикционные решения о начале уголовного преследования, а также осуществлять в процессуальной форме не только проверочную деятельность до возбуждения уголовного дела, но и расследование в форме дознания, предшествующее предварительному следствию. Таким образом, если абстрагироваться от частных случаев, то вполне очевидно, что в отечественном правовом поле